— Перси, проснись. Проснись!

Тьфу… Я наконец-то немного поспал. Черт возьми, чего ты теперь хочешь!?

— Тебе нужно вставать! Приготовься!

Я не собираюсь слушать твои глупые советы или следовать твоим безумным планам! Может, ты и говоришь как она, но у тебя нет ее интеллекта! Спокойной ночи!

Зззззззззззз

[СКРИИИИК!]

Резко проснувшись от скрипа металлических петель на двери моей камеры, я сажусь на кровати и протираю глаза, пытаясь заставить их привыкнуть к новому освещению и увидеть, кто открывает мою дверь. Как долго я спал? 8 часов? 3? 6? И кто это у меня в гостях? Это опять те "разведчики"?

— Монстр. Приготовься.

По моей спине пробегает электризующая дрожь, и волосы на руках и затылке немедленно встают дыбом. Мои полубожественные чувства! Она не лжет! Но откуда берется это чудовище?

— Не задерживайся слишком долго. Просто брось еду и уходи, — доносится снаружи голос одного из охранников моей камеры.

— Дверь, болван! Это проникает через дверь!

Убирая руки от глаз, я вижу, как охранники расступаются и позволяют какой-то темной фигуре войти в мою комнату. Я напрягаюсь, медленно протягивая руки к правому карману брюк и готовясь выпрыгнуть из кровати, полностью ожидая, что монстр сбросит свою человеческую личину и набросится. Но вместо этого фигура просто подходит и ставит поднос на мои прикрытые простыней ноги.

На подносе лежит единственный вшивый кусок хлеба. Прикоснувшись к его корке, я могу сказать, что он черствый. Очень черствый. Это должен быть мой обед? Мой ужин? Монстр пытается ослабить меня пищевым отравлением, прежде чем нанести удар?

— В него никто не вмешивался, если это то, о чем ты думаешь. — Произносит женский голос.

— Ммм... Может быть, и нет, но он определенно состарился, — отвечаю я, поднимая взгляд на своего несостоявшегося убийцу.

Это не та маскировка, которую я ожидал бы от монстра. Он принял форму девочки. Маленькая девочка, ростом едва более 5 футов, которая, кажется, на год или два младше меня. На ней стандартная военная форма этих людей: светло-коричневая куртка, белые брюки, коричневые ботинки и все эти ремешки. На левом нагрудном кармане ее униформы серая эмблема с двумя скрещивающимися мечами, в отличие от зеленых единорогов у охранников или бело-голубых крыльев у разведчиков. Но что больше всего поражает, так это ее волосы и глаза.

Я моргаю, и мое сердце трепещет. Я моргаю снова, и реальность возвращается. В темноте моей камеры и с моим нынешним... "мышлением", с первого взгляда, я увидел Аннабет. Но в то время как у Аннабет ярко-золотистые кудри, волосы этой девушки прямые и светлее по цвету; платиновая блондинка. У девушки бледный цвет лица, в отличие от естественного калифорнийского загара Аннабет, римский нос и светло-голубые глаза.

Но меня одурачило не мое собственное отчаяние, не ее светлые волосы и не освещение комнаты, придавшее ее глазам сероватый оттенок, а ее взгляд. В то время как другие могут взглянуть и подумать, что глаза этой девушки холодные и бесстрастные, гораздо более острый взгляд может сказать, что они сканируют, анализируют, обрабатывают информацию. Ее радужки двигаются неподвижно, если в этом есть смысл, как будто миниатюрные винтики и шестеренки пыхтят, пока ее разум работает с тем, что она видит. Это глаза стратега. Глаза тактика. Глаза, которые всегда были у Аннабет.

— Откуси кусочек.

Что?! Что, если это—

— Он не отравлен. Мы не можем дать ей понять, что раскусили ее истинную натуру. Притворись невежественным, поверь ее словам.

[Хруст!]

Я откусываю кусочек хлеба с большим отвращением. На вкус оно не плохое, вообще ни на что не похоже, но оно твердое. Твердое, как камень. Клянусь, я чувствовал, как сработает мое проклятие, защищающее мои зубы от растрескивания, когда я вгрызаюсь в его хрустящую корочку. Если бы у меня не было меча, я, вероятно, мог бы использовать этот батон, чтобы размозжить кому-нибудь головы.

Девушка, выполнив свою задачу, разворачивается, чтобы уйти, не сказав ни слова, направляясь обратно к двери в мою камеру.

— Подожди! — Кричу я ей вслед, хлебные крошки вылетают у меня изо рта и пачкают простыни. Девушка останавливается и оборачивается.

— Что? — Она прямо спрашивает.

— Что ты делаешь?! — кричит "Аннабет" у меня в голове.

Я быстро проглатываю оставшийся во рту хлеб. Его шероховатые края и сухость щекочут мне горло, заставляя несколько раз кашлянуть.

— Эм. Спасибо за еду. — Я хриплю. — Все, эээ, хорошо... — Я вздрагиваю, ощущая неприятный привкус на языке.

— Спокойно, Перси. Действительно спокойно.

— Я просто выполняю свою работу. — холодно отвечает девушка.

— Можно мне немного воды? Ну, знаешь, чтобы запить еду?

— Заключенному не разрешается пить воду еще два часа! — Кричит в мою камеру один из охранников снаружи.

— Но у меня так пересохло во рту! Нельзя ли мне сделать маленький глоток?

— Нет! — кричит другой охранник.

— Извините, но вам придется подождать. — Девушка извиняется.

— Хорошо, — фыркаю я.

— Ограниченное количество еды и напитков. Бесчеловечная практика, которая была нормой в тюрьмах в не столь отдаленном прошлом. Используется тюремщиками для ослабления организма своих заключенных и сломления их воли.

Не знаю почему, но мое настроение портится, когда девушка разворачивается и выходит из моей камеры. Я знаю, что она совершенно незнакомая и, скорее всего, монстр, который только и ждет идеальной возможности нанести удар, но, думаю, мне просто нужно поговорить с другим человеком прямо сейчас. Сидя здесь один в темноте, я только сейчас осознаю, насколько я полагался на Аннабет. Если мой собственный рассудок дал трещину и в сознании образовался раскол личности, подобный Аннабет, не был явным признаком, то образы Тартара, танцующего в темных углах моей камеры, заставляют меня вспомнить, как я нуждался в ее присутствии, в ее утешающих объятиях и в ее шепоте нежных пустяков мне на ушко, которые вытащили бы меня оттуда о моих ночных кошмарах и убеди меня, что мы действительно сбежали из этой адской дыры. Остальные в лагере говорили мне, что мне, вероятно, следует сходить к психотерапевту, но я так и не пошел.

Пока она была со мной, все всегда было хорошо.

— Как тебя зовут?! — Выпаливаю я, когда девушка выходит из моей комнаты.

— Энни. Энни Леонхарт.

Охранники закрывают за ней дверь, металлический звук замка эхом отдается в моей камере. Энни оборачивается, встречаясь со мной взглядом сквозь прутья двери моей камеры. Ее следующие слова разбивают вдребезги мое ранимое сердце.

— Кстати, ты пускаешь слюни во сне.

http://tl.rulate.ru/book/100724/3511756